

ЕГИПЕТСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК КАК ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА СМЫСЛА

DEAL

Правильный треугольник, как геометрическая метафора, как гармония триединства и противопоставления, являет для нас идею завершенную и ожидаемую, но определенно скрытую. Без всяких сомнений, более информативным в плане метафорических идей будет для нас треугольник прямоугольный. Вырванный из метафорического, глобального контекста совершенных идей, он делает возможным обнаружение интенции заложенной в нем. Иными словами, прямоугольный треугольник являет собой этап динамического преобразования метафорической идеи заключенной в фигуре треугольника и его приближения к совершенному, правильному треугольнику. Этим фактом, он являет нам ту необходимую метафору, которая, при удачном ракурсе, может послужить прекрасным ориентиром. Геометрические преобразования, выраженные в динамике процедурной последовательности, как результат проекции идеи на линию времени, рисуют нам интересные картины. Картины эти предстают мне в виде индуктивной фантазии, которой я и хотел бы поделиться. При этом я должен подчеркнуть, что речь будет идти лишь о фантазии. Фантазии, призванной соединить метафорический мир с миром конкретики, с надеждой определения координат человека в этой системе и точки отсчета на пути к преобразованию.

Столкнувшись единожды с экзистенциональной стороной бытия, вопрос придания ему смысла автоматически переходит в разряд конституирующих структуру нашего опыта, как прошлого, так и грядущего. Говоря о грядущей структуре опыта, я, конечно, имею в виду сложившиеся обобщения, искажения и опущения, определяющие вектор и фокус нашего внимания, выделяющего значимое из бесконечного множества раздражителей. При этом горизонты поиска открываются нам тем отчетливее, чем ближе и конгруэнтнее мы подбираемся к границам возможного смысла. Вопрос конгруэнтности, в силу отсутствия доказательной альтернативы, ко всему прочему, в нашем случае будет определяющим маркером этого предприятия. Особое внимание к конгруэнтности обусловлено известным утверждением о том, что не ответы двигают эволюцию, а верно и вовремя поставленные вопросы. В сочетании с пресупозицией о том, что вопрос не может созреть без существующего уже на бессознательном плане ответа, нам открываются широкие перспективы. Так, если задуматься, то любое чувство неудовлетворения, так хорошо мотивирующее нас, даже на самых абстрактных уровнях, предполагает определенную референцию-эталон, относительно которого и определяется оценка действительности. Другими словами, если нам плохо, то только потому, что мы знаем, как бывает или должно быть хорошо. Эти различия явно указывают на локализацию области, отделяющую имплицативную реальность от эксплицативной, реальность прошлого и реальность будущего. И все же, даже столь точные и обнадеживающие данные, отнюдь, не гарантируют нам того, что нужные вопросы, а за ними и ответы найдут своего адресата немедленно. Ригидность и тугоплавкость, навязанных нам воплощением категорий, образуют плотную пелену

тумана, разделяющего эти две реальности. Во многом роль этой туманности в сути общего действия и послужила вдохновением для настоящей фантазии.

Известно, что в архитектуре любой системы зачастую связи между элементами имеют большее значение для системы, чем сами элементы составляющие ее. Этот принцип применим и в нашем случае, где реализация и одновременная манифестация первичной идеи обнаруживается в этой туманности, в чем мы сможем убедиться далее. Обнаруживается именно в ней, поскольку она является связующим звеном категорически разнородных реальностей, имеющих, при этом, единый источник и результат. Таким образом, кроме прочего, трудно переоценить роль туманности и в плане функциональности. С одной стороны, она оберегает нас, с другой - позволяет установить связи между разделенными планами эталонной абстракции и грубой конкретики. В случае связи роль очевидна, как роль любой границы, отделяющей одно от другого. В роли же оберегающей - суть деликатности перехода будет определять саму возможность эволюционно конструктивного начала, в отличии от жёстких инволюционных разрывов. Речь идет об избегании резких переходов, в соответствии с «тугоплавкостью», накладываемой линией времени. И «туманность», надо признать, вполне справляется с этой задачей. И всё же определяющей характеристикой нашей туманности, будет нарушение связности и видимый хаос. Та реальность, которую мы воспринимаем в виде действительности, в которую мы все погружены. Действительность, которая есть выражение, по сути, пограничного контакта вышеназванных реальностей; ту действительность, где пока единственно проективные конструкты служат нам точкой отсчета на пути к изначальным, метафорическим абстракциям мира идей. По всей видимости, именно упомянутая туманность и будет являть собой ту самую арену, где тонкий и грубый мир сходятся в безжалостной битве духовного и телесного.

Во имя придания веса посетившей меня фантазии и поиска инструмента, способного проникнуть сквозь пелену этого тумана, хотелось бы вспомнить слова св. Фомы Аквинского, где он определил Первую философию, как знание истины, но не малой истины, а той, которая является источником всех истин, то есть связана с первым принципом бытия всех вещей - вот поэтому эта истина и является принципом всех остальных истин, поскольку в истине вещи обладают такими же свойствами, как и в бытии. Другими словами, первый принцип-истина, изливаясь на тело мироздания, позволяет обнаружить этот принцип в любой его части, как в каждой капле отражается море. Как мы понимаем, речь тут идёт о том самом имплицативном порядке, о котором мы говорили выше - порядке, пронизывающем любую точку пространства и времени.

Тешу себя надеждой, что этот пример дает нам право сдвинуть фокус нашего внимания с абстрактных проекций истины в сторону эмпирического многообразия; в то место, где мы будем иметь возможность наблюдать развертывание истины на привычной для нас линии времени. При этом, дабы не отдалиться слишком от предмета исследования, предлагаю держаться в рамках философско-прикладного плана нашей психики и ее категорий. По сути, вышесказанное наталкивает нас на мысли о некоей фрактальности структуры, как архитектуры, объединяющей мир идей и действительности эмпирической. Вот уж действительно, то, что наверху - подобно тому, что внизу.

Возвращаясь к треугольнику, египетскому прямоугольному треугольнику, как дающему надежду раскрытия интенции, заложенной в истинной идее, мы можем приступить к определению задач. Как и в случае с системой, которая определяется связью предметов, явлений и условий, так и у нас идея будет скрыта во взаимодействии определяемых действующих лиц. Своим удобством и полнотой выражения идеи, для меня открылась теорема Пифагора, которую я и хотел бы использовать как геометрическую форму посетившей меня фантазии.

Теорема Пифагора, как интересующая нас метафора, уже в самой структуре треугольника, в котором она представлена, дает нам возможность убедиться в упомянутой фрактальности. Истина этого треугольника будет лишь отражением треугольника более высокого плана - того самого равностороннего треугольника, скрывающего от нас «Слово» более высокого порядка.

Давайте же вспомним, как же звучит наша метафора и развернем ее по контекстам, используя для удобства интерпретации любезно предоставленные нам М.П. Холлом.

Холл пишет:

«В прямоугольном треугольнике площадь квадрата, построенного на гипотенузе, равна сумме площадей квадратов, построенных на катетах». Упоминает он и о Плутархе, который писал: «Универсальная Природа, в своем самом полном и совершённом виде, состоит, согласно современному учению, из трех вещей: Разума, Материи и взаимного их результата, называемого на греческом языке Космосом, словом, которое означает как красоту порядок, так и сам мир. Первое из них есть то же самое, что Платон имел обыкновением называть Идеей или Отцом; второму из них было дано имя Матери, Кормилицы, или Место Порождения. Третьему - имя Отпрыска, или Продукта. Таким образом, как и у древних Египтян, есть основательные причины для того, чтобы считать, что пифагорейцы имели обыкновение уподоблять эту универсальную Природу тому, что они называли наиболее прекрасным и совершённым треугольником. То же самое имеет в виду Платон в своем «Государстве», когда использует образ брачного союза. В этом треугольнике с прямым углом, с перпендикулярной стороной, равной трем, основанием, равным четырем, и гипотенузой, равной пяти, перпендикулярная сторона представляет мужскую природу, основание - женскую, и гипотенуза - отпрыск двух первых. И потому, первая сторона должна представлять Осириса, или первую причину, вторая - Исиду, или восприимчивую силу, и последняя - Оруса (Хоруса), общий результат первых двух.

Кроме того, сорок седьмая теорема является важным масонским символом и из-за близкой связи со строительным искусством часто называется «теоремой плотников». Многие полагают, что значительное число запутанных математических характеристик Великой Пирамиды основано на еще не открытых применениях этой теоремы. Сорок седьмая теорема является так же ключом к соотношению между тремя главными частями человека: духом, телом и душой. В этой аналогии число три символизирует дух,

четыре тело и пять - душу. Согласно алхимикам, сорок седьмая теорема устанавливает правильную пропорцию соли, серы и ртути, необходимых для получения Философского камня. Имеется также близкое соответствие между Великими Мастерами Массонской ложи Иерусалима и тремя квадратами в Сорок седьмой теореме».

Возвращаясь к треугольнику высшего уровня, упомянутому выше, факт его проявления в нашей метафоре раскрывается, как одна из вершин треугольника Пифагора. Открывается он нам в тот момент, когда первая часть нашей загадки, представленной в образе Отца, Разума, Идеи (как угодно), найдет свое отражение в дебрях восприятия и понимания. Затруднение, с которым мы можем уже тут столкнуться, будет развеиваться по мере детализации вопроса, уходе от номинализации и придания контекстности. Первое затруднение предстает нашему вниманию в том месте, о котором Плутарх пишет: «Пестрые одежды Исида, олицетворяет Космос, Осирис облачен в белые одежды, символизирующие Умный Свет, источник которого находится за пределами Космоса». Это подводит нас к тому, с чем нам на данный момент приходится мириться, к рассуждениям об Умном Свете, исключительно в виде последовательного отрицания любых атрибутов и обозначений. Однако дабы не расплыться в многообразии того, что можно отрицать, нам придется довольствоваться рамками нашего воплощения, втиснутого в известный нам континуум. В рамках этого самого континуума, обремененного необходимостью сохранения отрицаний, Идея предстанет нам в виде равного треугольника. Сама Идея этого треугольника будет заключена в триединстве Абсолютного Эталона, Исходной Противоположности и Различий, как пути соединяющего их, и сольется для нас в одну точку, одну из вершин нашего треугольника. Квантовость этого процесса, в принципе, и обуславливает вектор развития идеи. Развитие обнаружится там, где она будет разворачиваться в одну из сторон треугольника Пифагора, как результат обременения линейностью изложения. Развертывание это будет выражено одной из сторон треугольника Пифагора, состоящего из трех частей.

Сложность адаптации подобного отражения и будет обуславливать принцип, нашедший отражение в нашей метафоре. Обременение, о котором идет речь, будет связано несомненно с присоединением к нашему действию Исида, Матери, Места Порождения и Кормилицы, как несущей идею, являющуюся ее отражением и необходимым элементом атропного принципа.

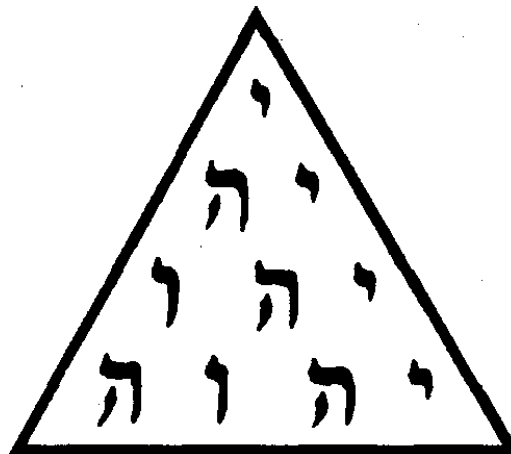
Там именно Исида, ставшая тронем для белых одежд Осириса, посредством своих сыновей Гора (Хора), Имсети, Дуамутефа, Хапи и Квебехануфа, будет тем полем, который запечатлевать для нас упавший на нее свет Белых Одежд Осириса, подобно тому, как фотопленка запечатлевать мгновение в нескончаемом потоке времени. Таким образом, и Исида-Мать находит свое место в нашей метафоре на четырехчастной стороне треугольника Пифагора.

Особо можно отметить взаимное взаиморасположение Осириса и Исида, определяющее «истинность» треугольника и его дальнейшее развитие, а именно, расположение под прямым углом друг к другу.

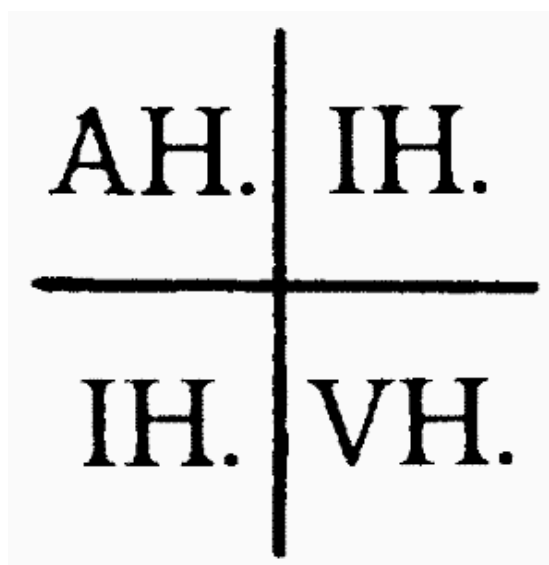
Ко всему прочему, к заслугам Кормилицы можно отнести тот момент, что она принесла столь необходимую для гармонии идею меры. Мера,

будучи результирующим элементом, обретает силу при переходе к рассмотрению третьей, пятичастной стороны метафоры. На этом этапе гармония взаимосвязи в контексте линейности времени образуют для нас цепь, где «мера Кормилицы» через «меру Отпрыска» обретёт смысл в «мере Осириса». В привычном для нас контексте - первоэлементы предстанут мерой человека и человек, в свою очередь, мерой абстракции первого принципа-истины. Таким образом, третья сторона, которая должна будет прервать инволюционные процессы противопоставления Осириса и Исиды, выраженных в расходящихся сторонах треугольника, в конечном итоге соединяет их в эволюционном процессе. Эволюционном процессе как идее и метафоре, суть и процедура которого будет открываться нам постепенно.

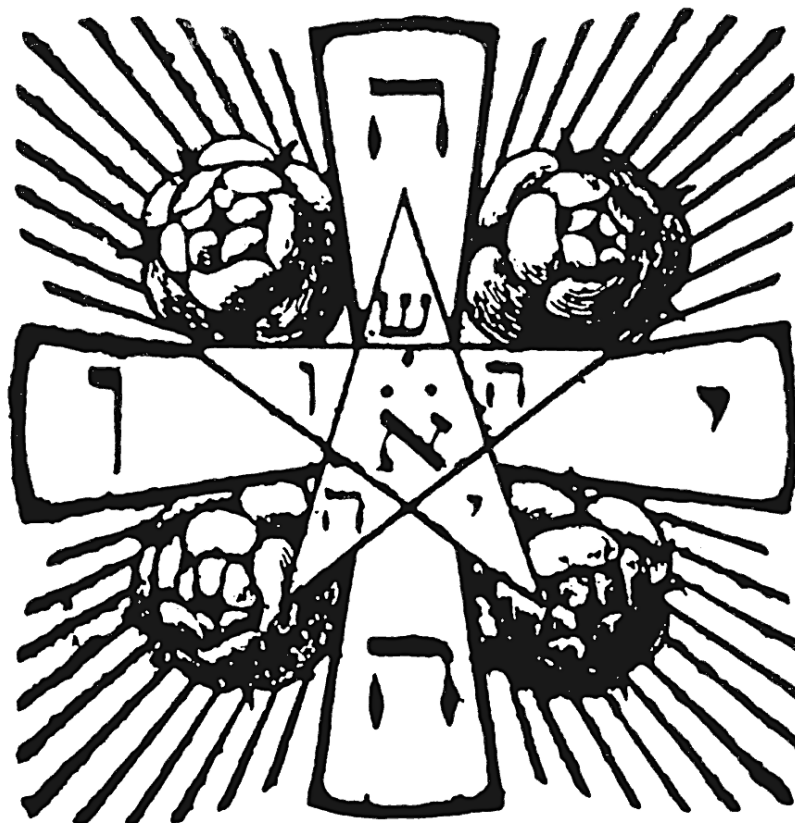
Позволив себе пофантазировать в рамках нашей метафоры над третьей стороной треугольника, мы могли бы, при желании, обнаружить на ней точку перелома или перехода из инволюционного процесса в эволюционный, как проекцию взаимоотношения Осириса с Исидой, определяемую биссектрисой угла их разделения. Интересным образом, идеи выражены в числовых соотношениях сторон нашего треугольника. В геометрической реальности эти соотношения, по сути, предстают в соотношениях треугольника и квадрата/креста. В той же геометрической реальности квантовая идея, выраженная в треугольнике (рис.1),

во взаимодействии с «воспринимающим трон» для этой идеи представляющей в виде квадрата (рис.2), образуют

совершенную пентаграмму, подобной той, что приведена ниже (рис.3).

Пентаграмму, которая, в свою очередь, как идея находит место на третьей стороне египетского треугольника. По сути, тут мы ведем речь о той самой туманности, которая является связующим звеном и новым действующим лицом взаимодействия имплицативной реальности равного треугольника и эксплицативной реальности квадрата/креста. Мы помним также и о принципе пентаграммы, где изначальный треугольник, при контекстном сдвиге, будет определяться буквой шин, как распределяющим роли четырем сыновьям Исиды в виде букв тетраграмматона. В подтверждение допустимости подобной фантазии, хотелось бы вспомнить слова И. Гинзбурга из книги «еврейские буквы», где сказано: «Буква шин состоит из трех букв вав, поднимающихся из общей точки, каждая с буквой Йуд на вершине. Форма буквы Шин символизирует симметрию на всех уровнях - миров, душ и Божественности. Формой буква Шин напоминает пламя, по фонетическому звучанию тоже». В этом месте напрашивается аналогия пентаграммы, как статуса суперчеловека Машиаха, на кресте первоэлементов и выходящей из нее формулы, где «огнем обновляется природа вся». Симметрия на уровне миров проявляется как равновесие и гармония повсеместно присутствующая в природе. Попытки опрозрачить данное номинализированное описание - это способ адекватного поиска инструментов. Попробуем же это проделать. Оставаясь в контексте нашей фантазии, в подобной гармонии должны будут сойтись два наших мира: мир абстракции и мир конкретики. В попытках отыскать в этих номинализациях Аристотелевский «первый принцип бытия», мы должны быть очень внимательны. Внезапно открываясь в контекстуальных акциденциях, он так же внезапно может исчезнуть. Именно поэтому, мы будем держаться лишь поиска связи между интересующими нас мирами.

Только в этом акте деятельности, в динамике, нам может открыться данный принцип.

Не так далеко те времена, когда и пространство являло собой для нас полную абстракцию. Без известной точки опоры оно могло предстать для человека полным ужасом. Сначала небо и земля, классифицирующиеся, как верх и низ, сделали нас немного устойчивее. По мере осваивания, новые ответы рождали новые вопросы. Обступающая абстракция требовала большей вовлеченности и осознанности. Путь же к ней определился единственно через процесс классификации. На этом этапе существует определенный риск для нас - признать наш мыслительный аппарат лишь очередной акциденцией, проявляющейся границей сношения двух рассматриваемых миров. Конечно, это вопрос более глобальный, а оставаясь на соответствующем фантазии уровне, он выражен в нашем египетском треугольнике. На уровне пространственных отношений он проявил себя уже достаточно давно; известно, что древними египтянами он активно применялся для построения прямых углов и схем пропорциональности. В чем еще может быть скрыта суть прямых углов, как не в классификации абстрактной реальности, изливающейся на нас? В этой связи, мы близки к тому, чтобы признать такую номинализацию, как гармония, близкой к понятию классификации в контексте наших противопоставленных реальностей. Тот самый верхний луч пентаграммы, упорядочивая первоэлементы, при этом, сохраняет внутри самой пентаграммы эталонность в состоянии непостижимой абстракции, выраженной буквой Алеф. Далее там же мы читаем: «На уровне душ, Симметрия - это красота одной души в принятии и соединении с другой душой, и это также красота души в глазах Бога». На мой взгляд, прекрасная метафора эволюционных процессов, отраженных в обобщающем взаимодействии любви и сути ответственности, возложенной на нас.

Та индивидуальность, за которую мы так держимся, по сути, представляет собой не более, чем набор ущербностей. Нет качеств, являющихся нашей собственностью, - есть лишь степень несовершенства и отдаления от эталонности, хранящейся внутри нас в потенции. Исходя из того, что эталонность в своей потенции является частью системы более высокого порядка, храниться в нас она может, лишь подвергнувшись некой адаптации. Адаптация этой высокой идеи будет заключаться в том, что, по необходимости, она будет разделена между нами в определенных пропорциях. Кому-то больше, кому-то меньше. В этой адаптации и содержится одна из важных частей игры, послужившей вдохновением моей фантазии. В конце концов, взаимодействие элементов, между которыми был разделен тот свет идеи и будет определять четкость и достоверность ее манифестации внутри меньшей системы. Таким образом, путь к этой достоверности будет лежать через гармонию взаимодействия которую и олицетворяет наша пентаграмма. В свою очередь, сама гармония должна интерпретироваться нами в категориях мета-цели, где в великом разнообразии ущербностей и отдаления от эталона, мы всё же сможем обнаруживать относительно устойчивые свойства, скрывающие за собой мета-идеи. И тут мы снова сможем наблюдать свершившуюся пентаграмму Машиаха: «И перекуют все народы мечи свои на орала и копыя свои - на серпы; не поднимет меча народ на народ, и не будут больше учиться воевать» (Ис.2:4).

Таков путь и каждой души в отдельности. Начав свой путь осознанности через механизмы обособления и дифференциации «Я» от «не Я», по мере роста, душа все больше преуспевает в размывании этих границ. Она все ближе к пониманию и, как следствие, принятию и слиянию с «не Я» в мета-идее.

Проникнувшись вышеизложенной фантазией, я снова вплотную подошел к давнему, мучившему меня предположению. Заключалось оно в том, что в каком бы виде не предстал бы нам холон, в его структуре может быть прочитано «слово Абсолюта». Абсолютная идея в своей полноте, проникая в ущербность холона, определяет его рамки, а именно - отражение большего в доступном формате. В результате, говоря о подобии, как смысле отражения, мы должны рассматривать его исключительно через призму наличествующей ущербности. Вследствие этого, связи, соединяющие эталон с данностью, до времени остаются скрытыми от нас. В данном случае, я проникся уверенностью, что предмет этой фантазии, отразивший в игре углов и отрезков одно из «слов», в силу своей универсальности, может открыть нам, наконец, и смысл и значение этого слова - «слово Абсолюта». Ведь фантазия, как путь к метафоре, дает возможность соединить то, что соединить невозможно. Только в фантазии наш разум, сбрасывающей бремя статики контекста, обретает возможность проникнуть за завесу.